

Т е м а н о м е р а Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения

Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества)

Марин Егор Борисович –

кандидат исторических наук, доцент, Морской
государственный университет им. Г. И. Невельского;
доцент, Департамент психологии и образования,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: egor-marin@yandex.ru

Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества)

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524

Аннотация. Предмет работы – отношение к протесту и протестная активность приморской молодёжи. В основу её положены материалы социологического исследования, проведённого в 2017 г., в ходе которого были опрошены студенты и курсанты вузов Приморья в количестве 251 чел.: Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета им. Г. И. Невельского во Владивостоке и филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка. Целью было изучение основных аспектов протестного сознания приморского студенчества. Как показал данный опрос, у студенческой молодёжи края оказался довольно высокий уровень готовности к протесту. При разной постановке вопроса о своей готовности к протесту заявили от 12 до 30% опрошенных студентов. Отношение к участникам акций протеста у опрошенных положительное или безразличное (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста. В нашем исследовании были выявлены значимые факторы протеста – социальные проблемы, в наибольшей степени беспокоящие молодёжь. Главным образом, это проблемы в социальной, а также в правовой и экономической сферах. Наименее значимыми являются проблемы в силовых ведомствах, а также в политической сфере. Низкий индекс протестности присущ проблемам в национальной и религиозной сферах. Примерно 4,7% опрошенных студентов показали наличие опыта участия в несанкционированных акциях протеста. Ещё 5,5% намереваются участвовать. В сумме примерно 10% опрошенных студентов можно считать неким протестным ядром, представители которого или уже участвовали в протестах, или высказывают ясное намерение участвовать в будущем. Данные опроса и их анализ свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости усиления молодёжной политики и обеспечения дополнительных возможностей для российской молодёжи в реализации её интересов и прав.

Ключевые слова: политический протест, студенты, Приморье, акции протеста, политическое сознание, молодёжь

Актуальность и изученность темы

Предметом данной работы является отношение к протесту и протестная активность приморской молодёжи по материалам социологического исследования, проведённого в 2017 г. Студенческая молодёжь интересна прежде всего как потенциально значимый актор в социально-политическом пространстве Приморского края.

Феномен социального протеста изучается в рамках нескольких направлений: концепции коллективного поведения, концепции депривации, конфликтологического подхода, теории социального взаимодействия, концепции социальной активности и политического участия.

Авторы, изучавшие коллективное поведение (Г. Лебон, Г. Блумен, Г. Тард), рассматривали социальный протест в качестве социально-психологического феномена. По их мнению, протест порождается высокой психологической напряжённостью, в том числе социальным беспокойством, агрессивностью, паникой и т. д. Протест иррационален и непредсказуем.

Самой разрушительной формой протеста, согласно Г. Лебону, является революция как проявление массовой истерии [Лебон 1991: 152]. Согласно Тарду, толпы, в которых доминирует направленность на деструктивное проявление совокупной психической энергии, совершают грабежи и погромы, а социальный протест – это движение буйствующих толп, нарушающих общественный порядок [Тард 1999: 134]. Протест актуализируется в период социальных кризисов.

Одной из распространённых теоретических моделей, объясняющих сущность и причины протестного поведения, является концепция депривации как состояния неудовлетворённости, возникающего вследствие рассогласования реального и ожидаемого положения, к которому стремится субъект (С. Стауффер, Р. Мертон). Согласно взглядам этих авторов, протестное отношение к действительности возникает тогда, когда сравнение социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями порождает чувство глубокой неудовлетворённости, которое и порождает мотивацию для участия в протестных действиях [Волков 2012: 30].

Известный представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе трактовал молодёжь как социальную базу для преобразований общества, в том числе и революционных. Маркузе принадлежит идея «новых революционных сил» – молодёжи и интеллигенции. Как он полагал, многие молодые люди инстинктивно отказываются от сотрудничества с системой. Сочетание же двух социальных групп – молодёжи и интеллигенции – делает студенческую молодёжь особым субъектом протестных настроений [Маркузе 1995: 299].

К Мангейм определял молодёжь как скрытый ресурс общества, в котором заложено будущее. По его мнению, молодёжь не консервативна, не прогрессивна, она просто потенция, готовая к любому начинанию. А от социальной структуры и характера общества зависит, будут ли эти резервы интегрированы в функцию [Мангейм 1994: 446].

Представители конфликтологического подхода (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг), анализировали социальный протест как форму конфликта, порождённого столкновением социальных групп с противоположными политическими и экономическими интересами. Согласно Дарендорфу, политические противоречия между социальными группами порождают конфликт как неизбежное следствие концентрации власти у одних и её отсутствия у других. Дифференциальное распределение власти неизбежно «становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов» [Dahrendorf 1959: 165]. В нашей стране этого подхода к пониманию протеста придерживается, например, В. А. Артюхина [Артюхина 2017: 32].

Социальный протест также может рассматриваться как особая форма социального взаимодействия. Как полагал П. А. Сорокин, социальное взаимодействие включает триаду «личность, общество и культура». Личность при этом – субъект взаимодействия, общество – «совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными процессами и отношениями», а культура выступает в качестве совокупности «значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения». Отстаивая свои интересы, человек выражает несогласие с установленными правилами игры, с ценностями и нормами [Сорокин 1992: 212].

В нашей стране теоретические основы для анализа проблемы социального протеста заложили Р. Х. Салахутдинова, О. И. Габа, А. В. Петрушина, Ю. А. Акунина [Салахутдинова 2012; Габа 2015; Петрушина 2011; Акунина 2011]. Различные аспекты протестных настроений и поведения молодёжи изучают Ю. А. Красин, Д. А. Волков, М. М. Назаров, Е. Н. Соломатина [Красин 2012; Волков 2012; Назаров 1995; Соломатина 2014]. И. М. Ильинский отмечает особую ценность молодёжи для современного общества: «Молодёжь – это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое» [Молодёжь планеты 1999: 22–42]. Анализируя роль молодёжи в политике, Р. Х. Салахутдинова полагает, что в России в данный момент происходит втягивание молодёжи, прежде всего студенческой, в политику путём спекуляции бедностью большинства [Салахутдинова 2012: 172]. Политические силы рассматривают молодёжь как

ресурс своей деятельности. А социокультурная среда, напротив, не создаёт условий для передачи культурных ценностей и самореализации личности. Маргинальность студенчества, как считает О. И. Габа, проявляется в отсутствии у него значительного социального капитала: когда нечего терять, человек способен на экстремальные действия. По мнению автора, протест для молодёжи является средством утвердить и усилить свой социальный капитал, сплотиться вокруг решения значимой проблемы [Габа 2015: 147]. Протестное поведение для неё атрибутивно. Оно в определённой степени свойственно молодёжи в силу острого ощущения несовершенства общества, завышенных притязаний к себе и окружающим, осознания собственной субъектности и невозможности её реализовать в полной мере (субъективный фактор), катализированных реальными лишениями и отсутствием возможности удовлетворения притязаний, а также внешним организующим началом (объективный фактор) [Габа 2015: 148].

Похожие оценки высказывает Ю. А. Акунина. По её мнению, молодые люди «вполне осознанно используют культуру протеста как для организации собственной деятельности, так и для самоидентификации» [Акунина 2011: 124]. В работе А. В. Петрушиной отражены результаты проводившегося в 2007–11 гг. исследования протестных настроений молодёжи Тульского региона. Показатели реального протестного поведения были зафиксированы на уровне 5%, а допускали для себя участие в протесте 15–20% опрошенных. Большинство молодых людей считали, что наиболее эффективны для защиты своих интересов конвенциональные формы политической деятельности, такие как участие в законных митингах, предвыборной борьбе [Петрушина 2011: 338–339]. По мнению автора, в числе основных факторов протеста присутствуют экономическая депривация и особенности политической культуры страны. При этом второй фактор, как считает А. В. Петрушина, основной.

Среди последних исследований можно отметить работу «Молодёжь и молодёжная политика в современном российском обществе» [Зубок 2016], а также монографию «Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций», подготовленную в Институте социологии РАН. В монографии затрагивается тема российского протестного движения 2011 и 2017 гг. Как полагают авторы, попытки вдохнуть жизнь в протестное движение в марте 2017 г. были основаны на антикоррупционной тематике, также выдвигались социальные лозунги (требования увеличить финансирование здравоохранения, социальной сферы). Это можно рассматривать как свидетельство смены окраски «несистемного» протестного движения, отхода его от либеральных ценностей [Асимметрия жизни... 2017: 186].

Теоретико-методологической базой нашего исследования является ряд концепций, таких как концепция депривации, подходы Г. Маркузе к изучению молодёжи как социальной группы и выявления её роли в социальных переменах, конфликтологический подход. В рамках концепции депривации объясняются социально-психологические причины социального протеста, прежде всего разрыв между желаемым и действительным в сознании масс. Значение идей Г. Маркузе в том, что он раскрыл особенности участия в политике молодёжи как революционной силы общества.

Основные характеристики исследования

Объектом нашего исследования выступает студенческая молодёжь Приморского края. Предметом исследования – характеристики отношения к протесту и протестной активности студенческой молодёжи. В ходе работы нашей целью было изучить основные аспекты отношения к протесту, выявить протестные настроения и определить уровень протестной активности приморского студенчества.

Выборка и организация исследования

По результатам пилотажного исследования политического участия студентов была создана анкета «Политическое участие и потенциал протеста». При её конструировании некоторые формулировки вопросов были позаимствованы нами из анкет ВЦИОМ, созданных для измерения политической активности россиян, и затем модернизированы. Разработанная анкета прошла оценку экспертов в области политологии и политической психологии Дальневосточного федерального университета и была доработана с учётом их пожеланий.

Анкета была использована в мае–июне 2017 г. для проведения основного этапа исследования. Объём выборки $n=251$. В ходе исследования были опрошены студенты и курсанты трёх вузов Приморья: Дальневосточного федерального университета (в котором обучается большая часть студентов региона), Морского государственного университета им. Г. И. Невельского во Владивостоке (ведущий технический вуз) и филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка. Большинство респондентов в возрасте 18–21 год. Тип выборки гнездовой – на первом этапе были отобраны вузы, на втором – специальности, далее целиком опрошены группы студентов.

В анкету мы включили три блока вопросов: отношение к политике государства, отношение к социальному протесту и опыт политического участия в разных формах (а также мотивация участия и абсентеизма). В данной статье анализируются в основном данные первых двух блоков анкеты.

Отношение молодёжи к политике государства

Удовлетворённость политикой государства

Результаты опроса об удовлетворённости студенчества политикой государства представлены в [таблице 1](#). Прежде всего, обращает на себя внимание большой процент недовольных политикой государства: так или иначе не удовлетворены политикой государства 54,1% опрошенных (из них «скорее, нет» ответили 30,6% и «нет» – 23,5%). Удовлетворены государственной политикой 30,7% опрошенных студентов.

Таблица 1

Удовлетворённость политикой государства

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Скорее, да	20,86	53
Да	9,00	23
Скорее, нет	30,60	77
Нет	23,50	59
Затрудняюсь ответить	15,50	39

Эмоциональная реакция на политику государства

Ответы на вопрос «Какие эмоции у вас вызывает политика российского государства?» показали противоречивую картину (см. [таблицу 2](#)).

Таблица 2

Эмоциональная реакция на политику государств

Варианты ответа *	% ответивших	Количество ответивших
Разочарование	38,9	99
Надежда	28,7	73
Интерес	20,4	52
Страх	13,7	35
Злость	12,5	32
Отвращение	12,5	32
Гордость	11,4	29
Радость	1,9	5
Свой вариант	4,3	11
Никаких не вызывает	18,1	46
Затрудняюсь ответить	5,5	14

* Можно было выбрать несколько вариантов ответов.

На первом месте у опрошенных студентов оказалось разочарование (38,9%). В сумме негативные эмоции (разочарование, злость, отвращение, страх) набрали 77,6%.

При этом положительные эмоции (радость и надежда, гордость) в сумме получили 41% голосов. Такой показатель заставляет задуматься об адекватности политики правительства интересам и надеждам молодёжи. Даже если предположить, что на ответы оказал влияние некий «молодёжный максимализм», перевес негативных эмоций велик. Однако немалая часть опрошенных студентов (28,5%) «надеются» на перемены в этой сфере.

Относительно невысокий показатель «злости» (12,5%) можно интерпретировать как свидетельство того, что в основной массе даже недовольные и разочарованные молодые люди сейчас не являются носителями агрессии в отношении государства.

Протестный потенциал

Отношение к митингам и демонстрациям против политики нынешних властей и их участникам

В связи с таким высоким уровнем неудовлетворённости политикой государства, который показал данный опрос, не вызывает удивления и то, что 12,9% молодёжи готовы принять участие в акциях протеста в ближайшем будущем (см. таблицу 3). Ещё 16,1% молодых людей поддерживают акции протеста, но сами участвовать в них пока не готовы.

Таблица 3

Отношение к протестным митингам и демонстрациям и их участникам

Ответы	% ответивших	Количество ответивших
Поддерживаю их и сам готов принять участие в ближайшем будущем	12,9	33
Поддерживаю, но сам принимать участие в подобных акциях не готов	16,1	41
Отношусь безразлично	37,4	95
Не поддерживаю, но считаю, что люди имеют право участвовать	23,6	60
Не поддерживаю и считаю, что подобные акции следует запрещать	3,1	8
Затрудняюсь ответить	5,9	15

Даже с учётом некоего «молодёжного максимализма», перевес негативных эмоций в отношении государства велик. Однако немалая часть опрошенных студентов (28,5%) «надеются» на перемены в этой сфере.

12,9% молодёжи готовы принять участие в акциях протеста в ближайшем будущем. Ещё 16,1% молодых людей поддерживают акции протеста, но сами участвовать в них пока не готовы.

При этом немалая часть относится к таким акциям безразлично (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста.

Факторы протеста

Один из наиболее значимых для исследования был вопрос о факторах и детерминантах протестного поведения. Исходя из предположения, что протестная активность является ответом молодёжи на те или иные проблемы общества, значимые в данный момент, мы составили их перечень (см. таблицу 4) и предложили респондентам оценить их готовность участвовать в массовом протесте в связи с каждой из этих проблем по шкале от 1 до 7 баллов. Полученные результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4

Готовность молодёжи участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных общественных проблем (в баллах от 1 до 7* и в %)

	1	2	3	4	5	6	7
Проблемы в экономике, кризис, низкий уровень жизни населения	14,50	7,00	15,00	16,10	14,10	13,30	17,70
Проблемы в социальной сфере (невыплата зарплат, стипендий и пр.)	9,40	7,80	9,80	22,80	15,30	14,90	18,90
Проблемы в сфере безопасности (теракты, преступность и т. д.)	18,10	8,20	16,10	17,34	14,10	8,20	6,10
Проблемы в правовой сфере (ущемление прав, коррупция)	16,10	7,80	9,40	15,70	18,10	11,80	20,80
Проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.)	25,20	13,70	14,10	16,90	13,30	5,90	9,40
Проблемы в политической среде (кризис власти, просчёты политиков)	25,90	7,40	18,50	17,70	11,00	7,40	10,60
Проблемы в национальной и религиозной сферах (защита своей нации и пр.)	31,80	9,40	11,80	18,10	10,20	6,70	10,20

*Значение ответов в баллах: 1 – безусловно не готов участвовать; 2 – не готов участвовать; 3 – скорее, не готов; 4 – возможно, буду участвовать; 5 – скорее, готов; 6 – готов участвовать; 7 – безусловно готов.

Как видно, наиболее заметной является динамика такого фактора протеста, как «проблемы в социальной сфере». Его показатель возрастает к средним и высоким баллам. Кроме того, высокий уровень демонстрируют факторы «проблемы в правовой сфере» и «проблемы в экономике».

И наоборот, «проблемы в политической сфере» обладают малым потенциалом для протеста. Низкие показатели и у таких факторов, как «проблемы в силовых ведомствах» и «проблемы в национальной и религиозной сферах».

Таким образом, в наибольшей степени молодёжь беспокоят проблемы в социальной и правовой сферах, ибо они наиболее чувствительны для молодых людей. Обострение социальной обстановки (например, невыплата зарплат, стипендий и пр.) может вызывать увеличение протестных настроений и поднимать волну протестной активности. Такое же значение могут иметь и правовые проблемы (нарушение прав человека, коррупция).

Анализ обобщённых значений высоких показателей готовности к протесту

С целью выделить высокий уровень протестного потенциала молодёжи мы также суммировали высокие показатели готовности к протесту в связи с каждой из основных проблем, отражённых в [таблице 4](#) (показатели 6 и 7 баллов по 7-балльной шкале). Полученный результат мы интерпретируем как обобщённый показатель высокой готовности к протесту. Результаты представлены в [таблице 5](#).

Таблица 5

**Готовность молодёжи участвовать в акциях протеста
в связи с каждой из данных проблем
(сумма значений баллов 6 и 7 по [таблице 4](#), в %)***

№	Общественные проблемы	Высокая готовность к протесту
1	Проблемы в экономике	31,0
2	Проблемы в социальной сфере	33,8
3	Проблемы в сфере безопасности	24,0
4	Проблемы в правовой сфере	32,6
5	Проблемы в силовых ведомствах	15,3
6	Проблемы в политической сфере	18,0
7	Проблемы в национальной и религиозной сфере	16,9

*Мы просуммировали значения ответов 6 и 7 баллов из [таблицы 4](#). Полученный в [таблице 5](#) результат отражает общую долю в выборке респондентов, оценивших свою готовность к протесту на 6 и 7 баллов.

Наиболее заметным является значение столбца 2 (33,8%), который отражает значение фактора протеста «проблемы в социальной сфере».

Фактор протеста «проблемы в правовой сфере» также демонстрирует высокий уровень (32,6%). Ещё один заметный показатель – фактор протеста «проблемы в экономике» (31%).

Проценты, отражающие сумму высоких показателей готовности к протесту, почти вдвое выше, чем у факторов-аутсайдеров, например, «проблемы в силовых ведомствах» (15,3%).

Полученные нами данные соответствуют данным, полученным Ю. В. Латовым на материале федеральных опросов ВЦИОМ и ИС РАН и приводящих к выводу, что в России в ближайшие годы будут доминировать социально-экономические лозунги протеста [Латов: 2017].

Личный протестный потенциал

Личный протестный потенциал показывает личную готовность к протесту. С целью его измерения респондентам был задан вопрос: «Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, против коррупции, в защиту своих прав, Вы примете в них участие?» Формулировка данного вопроса была позаимствована нами из анкеты ВЦИОМ. При этом в вопрос было внесено дополнение «против коррупции».

Как показали результаты опроса, личный протестный потенциал студенчества немал (см. таблицу 6). Почти треть опрошенных студентов (31,4%) готовы присоединиться к акциям протеста в родном городе или районе, но 46,8% ответили на этот вопрос отрицательно.

По данным ВЦИОМ доля ответивших «скорее всего, да» среди всех россиян в мае 2017 г. составила 26%, в июне 24%. Ответивших «скорее всего, нет» в июне было 70% [Протестный потенциал... 2017].

Таблица 6

Личная готовность к протесту

Варианты ответа	Скорее, да	Скорее, нет	Затрудняюсь ответить
% ответивших	31,4	46,8	20,8
Количество ответивших	80	119	53

Отношение к участникам акций протеста

Важно понять, как молодёжь относится к участникам акций протеста, кем она их считает. Опрошенным был задан полуоткрытый вопрос: «Людей, решившихся на открытый протест против власти, Вы бы назвали...?». Были предложены восемь вариантов ответа, отражающих разные модальности отношения к участникам протеста. Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7

Отношение к участникам акций протеста, %

Характеристики протестующих по оценкам респондентов							
Авантюристы	Экстремисты	Борцы за свои права	Наивные	Герои	Это их дело, никак бы не назвал	Свой вариант	Затрудняюсь ответить
2,9	5,9	40,5	23,2	5	22,3	5,9	7,4

На первом месте оказался вариант «борцы за свои права» (40,5%). Такая формулировка свидетельствует об уважительном и положительном отношении к ним. «Героями» посчитали протестующих 5% опрошенных студентов. В сумме безусловно положительные оценки набрали 45,5% голосов. На втором месте по частоте было определение «наивные» (23,2%).

Лишь 5,9% ответивших назвали участников протеста «экстремистами», а ещё 2,9% «авантюристами», то есть в сумме негативные оценки набрали 8,8%.

Немалая доля студентов отказались давать какую-либо оценку участникам протеста, выбрав нейтральный вариант ответа: «это их дело, никак бы не назвал».

Данные этого опроса заслуживают пристального внимания. Они показали положительное отношение к участникам акций протеста примерно половины респондентов. Ответ же «наивные» можно рассматривать как отражающий двойственное отношение: по мнению опрошенных, участники протеста искренне верят, что могут что-то изменить своим протестом, но заблуждаются. Это можно интерпретировать как неверие в такие методы, однако понимая и положительно оценивая участников протеста и их мотивы.

Участие в митингах и демонстрациях

С целью выявить реальный опыт участия молодёжи в общественных акциях мы включили в анкету вопросы об участии как в разрешённых, так и в несанкционированных публичных мероприятиях (см. таблицы 8 и 9).

Разрешенные акции протеста

Таблица 8

Участие в разрешённых митингах, демонстрациях, пикетах, %

Варианты ответа				
Не участвовал	Не участвовал, но намереваюсь	Да, участвовал один раз	Да, участвовал несколько раз	Да, участвую регулярно
74,5	9,1	6,7	7,1	1,9

Седьмая часть опрошенных (15,7%) принимали участие в разрешённых общественных акциях (в это число включены ответившие «участвовал один раз», «участвовал несколько раз» и «участвую регулярно»), а 9,1% выразили намерение поучаствовать в них (см. таблицу 8). Судя по отзывам в анкетах, некоторые респонденты участвовали в патриотических манифестациях 1 и 9 Мая.

Несанкционированные акции протеста

Участника опроса был задан вопрос об участии в несанкционированных акциях протеста. Результаты представлены в [таблице 9](#).

Таблица 9

Участие в несанкционированных митингах и демонстрациях, %

Не участвовал	Варианты ответа			
	Не участвовал, но намереваюсь	Да, участвовал один раз	Да, участвовал несколько раз	Да, участвую регулярно
89,2	5,5	2,3	0,79	1,59

Как показывают результаты опроса, у 4,68% опрошенных уже есть опыт участия в несанкционированных акциях протеста, причём 1,59% участвуют в них регулярно. Но особое внимание вызывает второй вариант ответа на вопрос о несанкционированных акциях: 5,5% намереваются участвовать в будущем. Абсолютное большинство студентов ответили, что не участвовали в таких акциях (89,2%).

Сопоставление данных о протестном потенциале

С целью составить более полное, «объёмное» представление о потенциале протеста мы сравнили данные из разных частей анкеты, в которых по-разному ставился вопрос о готовности к протесту и реальном участии в нём ([см. таблицу 10](#)).

Таблица 10

Сравнительные показатели протестного потенциала студентов

№	Вопрос	Положительный ответ (или сумма ответов)
1	Как вы относитесь к митингам и демонстрациям против политики нынешних властей и их участникам?	Поддерживаю их и сам готов принять участие в ближайшем будущем – 12,9%
2	Ниже перечислены актуальные проблемы общества. Оцените свою готовность участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных проблем, от 1 балла (не готов участвовать) до 7 баллов (безусловно, готов участвовать). (В столбце справа представлена сумма баллов 6 и 7)	Проблемы в социальной сфере – 33,8%
		Проблемы в правовой сфере – 32,6%
		Проблемы в экономике – 31%
3	Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, против коррупции, в защиту своих прав, Вы примете в них участие?	Скорее, да – 31,4%
4	Участвовали ли Вы в несанкционированных митингах?	Не участвовал, но намереваюсь; да, участвовал один раз; да, участвовал несколько раз; да, участвую регулярно: в сумме 10,1%

Сравнительная таблица показывает, что уровень положительных ответов изменяется в зависимости от постановки вопроса о протесте. Наибольшая близость показателей просматривается между ответами на вопросы 1 и 4 (недвусмысленное намерение участвовать или опыт участия).

Так, положительное отношение к митингам против политики властей и готовность участвовать в них «в ближайшем будущем» проявили 12,9% опрошенных. А на вопрос об опыте участия (участии и готовности участвовать) в несанкционированных митингах ответили положительно 10,1% респондентов.

При другой (более обобщённой) постановке вопроса о готовности участвовать показатели намного выше. Так, если в их городе или районе состоятся протестные акции, 31,4% опрошенных студентов готовы к ним присоединиться, что можно интерпретировать как свидетельство распространённости протестных настроений. Эта цифра (31%), близка к показателям готовности к протесту в связи с определёнными актуальными проблемами. В связи с проблемами в социальной сфере готовы участвовать в протесте 33,8%, экономике – 31%, в правовой сфере – 32,6%.

Выводы

Таким образом, как показал данный опрос, у студенческой молодёжи края оказался довольно высокий уровень готовности к протесту. При разной постановке вопроса о своей готовности к протесту заявили от 10–12 до 30–33% опрошенных студентов. Можно предположить, что у 10–12% есть протестная готовность, а у примерно ещё двадцати процентов студентов есть протестные настроения.

Эмоциональный отклик на государственную политику противоречив. На первом месте среди эмоций у опрошенных студентов оказалось разочарование (38,9%). В сумме негативные эмоции (разочарование, злость, отвращение, страх) набрали 77,6%. При этом положительные эмоции (радость и надежда, гордость) в сумме составляют 41%. Если включить в число положительных эмоций интерес (20,4%), то получается хрупкий баланс положительных и отрицательных эмоций. Как видно, надежда и интерес молодёжью ещё не потеряны.

Примерно 4,7% опрошенных студентов показали наличие опыта участия в несанкционированных акциях протеста. Ещё 5,5% намереваются участвовать. В сумме примерно 10% опрошенных студентов можно считать неким протестным ядром, представители которого или уже участвовали в протестах, или высказывают ясное намерение участвовать в будущем.

Если произойдут массовые выступления против падения уровня жизни и в защиту своих прав, значительная часть молодёжи может поддержать эти выступления. Так, если в их городе или районе состоятся протестные акции, 31,4% опрошенных студентов готовы к ним присоединиться. Можно предположить наличие некоего аморфного «коллективного» потенциала протеста, то есть готовности протестовать вместе с кем-то.

Были выявлены значимые факторы протеста – проблемы, в наибольшей степени беспокоящие молодёжь. Главные проблемы, которые смогут заставить студенческую молодёжь принять участие в массовых акциях протеста — проблемы в социальной, правовой и экономической сферах.

В связи с проблемами в социальной сфере готовы участвовать в протесте 33,8%, экономике 31%, в правовой сфере 32,6%. Обострение социальной обстановки (например, невыплата зарплат, стипендий и пр.), может вызывать увеличение протестных настроений и волну протестной активности молодых людей. Такое же значение могут иметь и проблемы в правовой сфере (нарушение прав человека, коррупция).

Наименее значимыми факторами протеста, как показало наше исследование, являются проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.), а также проблемы в политической сфере (кризис власти, просчёты политиков). Низкий индекс протестности имеют проблемы в национальной и религиозной сферах.

Отношение к участникам акций протеста у опрошенных положительное или безразличное (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста.

В ответах на вопрос о том, как можно охарактеризовать участников акций протеста (с целью выделить личностные смыслы), на первом месте оказался вариант «борцы за свои права» (40,5%). Героями посчитали протестующих 5% опрошенных студентов. В сумме положительные оценки составили 45,5% голосов. Это означает сочувственное отношение к протестующим.

Согласно концепции депривации, протестное отношение к действительности возникает тогда, когда сравнение социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями порождает чувство глубокой неудовлетворённости. Довольно высокие показатели протестных настроений, выявленные нами, свидетельствуют о наличии социальной неудовлетворённости у значительной части студенческой молодёжи Приморья. Данные выводы носят предварительный характер, проблема нуждается в углублённом изучении, в том числе качественными методами.

Если произойдут массовые выступления против падения уровня жизни и в защиту своих прав, значительная часть молодёжи может поддержать эти выступления.

Наименее значимыми факторами протеста, как показало наше исследование, являются проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.), проблемы в политической сфере. Низкий индекс протестности имеют проблемы в национальной и религиозной сферах.

Данные опроса и их анализ свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости усиления молодёжной политики в регионе и обеспечения дополнительных возможностей для реализации интересов и прав молодых людей в нашей стране.

Перспективы дальнейшего исследования темы видятся нам в использовании качественных методов опроса (в частности, глубинного интервью), а также в анализе психологических аспектов молодёжного протеста. Важен был бы анализ протестного мышления, выявление тех структур политического менталитета, которые связаны с крайними действиями в политике.

Библиографический список

Акунина Ю. А. 2011. Молодежные движения современной России: протест и созидание // Вестник МГУКИ. № 3 (41). С. 123–127.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: монография / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.; Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. 1 CD-ROM. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [Дата посещения: 22.07.2018].

Артюхина В. А. 2017. Осмысление социального протеста в отечественной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.

Баранова Г. В. 2012. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. № 10. С. 143–152.

Бушуев Д. В. 2012. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дисс. канд. социол. наук. Ростов н/Д. 15 с.

Волков Д. 2012. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. № 2 (112). С. 73–86.

Габа О. И. 2015. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. № 1. С. 144–151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ [Дата посещения: 20.07.2018].

Ефанова Е. 2011. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. № 8. С. 30–33.

Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. 2016. Молодежь и молодёжная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА» URL: <https://docplayer.>

ru/33904583-Yu-a-zubok-t-k-rostovskaya-n-l-smakotina-molodezh-i-molodezhnaya-politika-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve.html [Дата посещения: 20.07.2018].

Красин Ю. А. 2012. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 92–99.

Латов Ю. В. 2017. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. № 2. С. 36–50.

Лебон Г. 1991. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. № 6. С. 119–152.

Мангейм К. 1994. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юристъ. 693 с.

Маркузе Г. 1995. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: ООО Ирис. 352 с.

Михайличенко Д. Г., Фазлыев А. А. и др. 2013. Индикаторы определения протестного потенциала молодежи в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 47–49.

Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / Рук. авт. коллектива и науч. ред. И. М. Ильинский. М.: Институт молодежи, Голос, 1999. 323 с.

Назаров М. М. 1995. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. № 1. С. 47–59.

Омельченко Д. А., Максимова С. Г. и др. 2015. Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 13. Часть 2. С. 145–147.

Петрушина А. В. 2011. Протестное участие молодежи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 337–346.

Протестный потенциал // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ [Дата посещения: 15.07.2017].

Салахутдинова Р. Х. 2012. Факторы формирования протестного поведения молодежи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.

Соломатина Е. Н. 2014. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1. С. 103–107.

Сорокин П. А. 1992. Человек, Цивилизация, Общество. М.: Политиздат. 116 с.

Тард Г. 1999. Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+». 414 с.

Dahrendorf R. 1959. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press. 336 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524

Youth Protest Moods in Primorsky Region (On the Example of Students)

Marin Egor Borisovich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy; Associate Professor, Department of social and political Sciences, Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia. E-mail: egor-marin@yandex.ru

Abstract. This article examines protest activity and attitudes towards protest among Primorsky territory youths. It is based on materials from a sociological study conducted in 2017, during which 251 students and trainees from Primorsky territory higher educational facilities were polled: from the Far Eastern Federal University, the G. I. Nevelskoi Maritime State University in Vladivostok and a subsidiary of the Vladivostok State University of Economics and Services in Nakhodka. The main goal was to examine the key aspects of protest awareness among Primorsky territory students. As shown by this poll, college youths of the region demonstrate a rather high level of willingness to partake in protest. Given varied formulation of the question, anywhere from 12 to 30% of polled students claimed to be willing to partake in protests. 37.5% of those surveyed claimed a positive or indifferent attitude towards participants of protests. Only 3.1% believe that such protests should be prohibited. If these results are anything to go by, then Primorsky territory youths would not approve of protests being suppressed. Our study revealed significant protest factors – social issues which concern youths the most. These are mainly issues in the social, legal and economic field. The least important issues turned out to be those associated with power structures and the realm of politics. A low index of protest potential is inherent to issues in the realm of national and religious policy. Approximately 4.7% of students reported experience participating in unauthorized protests. Another 5.5% intend to partake in such. In total about 10% of polled students can be considered a certain “protest core”, consisting of people who either have already partaken in protest, or clearly declare the intent to do so in the future. Survey data and the results of its analysis show, in our opinion, that there is a need to take a firm stance when it comes to youth policy and providing Russian youths with additional opportunity to fulfill their interests and exercise their rights.

Keywords: political protest, students, Primorye, protests, political consciousness, youth.

References

Akunina J. A. Molodezhnye dvizheniya sovremennoy Rossii: protest i sozidanie [Youth movements in modern Russia: protest and creativity]. Vestnik MGUKI, 2011, no 3 (41), pp. 123–127 (in Russ.).

Artyukhina V. A. Osmyslenie sotsial'nogo protesta v otechestvennoy sotsiologii: analiz osnovnykh podkhodov [Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 11, pp. 30–34. DOI: [10.7868/S0132162517110046](https://doi.org/10.7868/S0132162517110046) (in Russ.).

Asimmetriya zhizni sovremennoy rossiysskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy: monografiya [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. O. V. Aksenova, red. Moscow, FCTAS of RAS, 2017. 207 p. 1 CD-ROM. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [date of visit: 22.07.2018] (in Russ.).

Baranova G. V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii [Methodology of analyzing Russia population protest activity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no 10, pp. 143–152 (in Russ.).

Bushuev D. V. Spetsifika protestnoy aktivnosti rossiyskoy molodezhi v sovremennom transformiruyushchemsya obshchestve [The specifics of the protest activity of Russian youth in contemporary transforming society]. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk. Rostov-na-Donu, 2012. 15 p. (in Russ.).

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Stanford University Press, 1959. 336 p.

Gaba O. I. Molodezh' kak sub'ekt protestnykh nastroyeniy [Youth as a subject of protest moods]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015, no 1, pp. 144–151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ [date of visit: 20.07.2018] (in Russ.).

Efanova E. Molodezhnyy ekstremizm kak forma politicheskogo protesta [Youth extremism as a form of political protest]. *Vlast'*, 2011, no 8, pp. 30–33 (in Russ.).

Krasin Yu. A. Fenomen ulichnykh protestov i koleya rossiyskogo vybora [The phenomenon of street protests and Russian choice track]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no 3, pp. 92–99 (in Russ.).

Latov Yu. V. Prizrak «revolyutsionnoy situatsii»: protestnye deystviya i protestnye nastroyeniya sovremennykh rossiyan [Phantom of the “revolutionary situation”: protest actions and protest moods of modern Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no 2, pp. 36–50 (in Russ.).

Lebon G. Mneniya i verovaniya tolpy [Opinions and beliefs of the crowd]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'*, 1991, no 6, pp. 119–152 (in Russ.).

Mangeym K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist, 1994. 693 p. (in Russ.).

Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Filosofskoe issledovanie ucheniya Freyda* [Eros and civilization. Philosophical study of the teachings of Freud.]. Kiev, OOO Iris, 1995. 352 p. (in Russ.).

Mikhaylichenko D. G., Fazlyev A. A. i dr. Indikatory opredeleniya protestnogo potentsiala molodezhi v sovremennoy Rossii [Indicators for determining the protest potential of youth in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 38 (329), Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 31, pp. 47–49 (in Russ.).

Molodezh' planety: global'naya situatsiya v 90-kh godakh, tendentsii i perspektivy [Youth of the planet: the global situation in the 1990s, trends and prospects]. *Ruk. avt. kollektiva i nauch. red. I. M. Il'inskiy*. Moscow, Institut molodezhi, Golos, 1999. 323 p. (in Russ.).

Nazarov M. M. Politicheskiy protest: opyt empiricheskogo analiza [Political protest: the scill of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995, no 1, pp. 47–59 (in Russ.).

Omel'chenko D. A., Maksimova S. G. i dr. Molodezhnyy vzglyad na politicheskie protesty: granitsy legal'nogo i nelegal'nogo [Youth view of political protests: the boundaries of legal and illegal]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 2015, no 3–2, pp. 145–147 (in Russ.).

Petrushina A. V. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve [Protest participation of young people in modern Russian society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011, no 1, pp. 337–346 (in Russ.).

Protestnyy potentsial [Protest potential]. *Ofitsial'nyy sayt VTSIOM*. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ [date of visit: 15.07.2017] (in Russ.).

Salakhutdinova R. Kh. Faktory formirovaniya protestnogo povedeniya molodezhi v sovremennoy Rossii [Factors of formation of protest behavior of youth in modern Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no 4, Ser. 12, Vyp. 4, pp. 167–173 (in Russ.).

Solomatina E. N. Sotsial'nye protesty v sovremennom mire: sotsiologicheskii analiz [Social protests in the modern world: sociological analysis]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki, 2014, no 1, pp. 103–107 (in Russ.).

Sorokin P. A. Chelovek, Tsivilizatsiya, Obshchestvo [Man, civilization, society]. Moscow, Politizdat, 1992. 116 p. (in Russ.).

Tard G. Obshchestvennoe mnenie i tolpa. Moscow, Institut psikhologii RAN, Izdatel'stvo «KSP+», 1999. 414 p. (in Russ.).

Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii kontsa 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizatsiyu politicheskikh institutov [Protest meetings in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. Vestnik obshchestvennogo mneniya, 2012, no 2 (112), pp. 73–86 (in Russ.).

Zubok Yu. A., Rostovskaya T. K., Smakotina N. L. Molodezh i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve [Youth and youth politics in modern Russian society]. Moscow, ITD «PERSPEKTIVA», 2016. URL: <https://docplayer.ru/33904583-Yu-a-zubok-t-k-rostovskaya-n-l-smakotina-molodezh-i-molodezhnaya-politika-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve.html> [date of visit: 20.07.2018] (in Russ.).